

Копирование, тиражирование и распространение материалов,
содержащихся в книге, допускается только с письменного разрешения
правообладателей.

ЭТО ПРОСТО ИГРА

Шамиль Идиатуллин

художник
САША САВОЯР

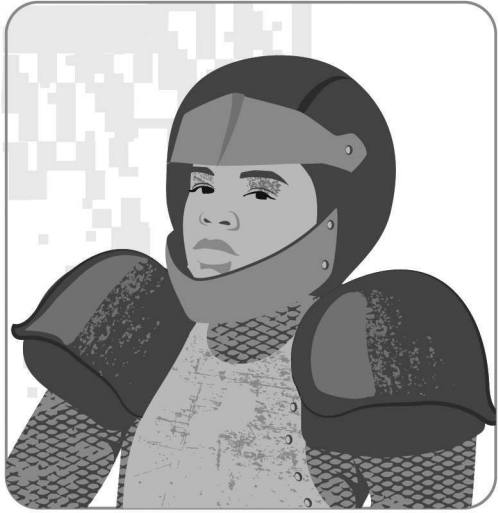

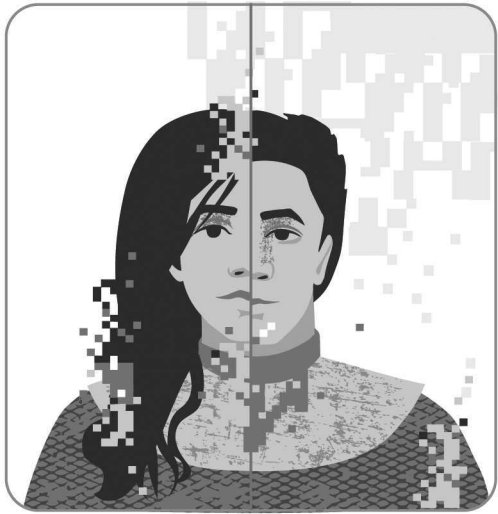
АЛЫП

ШУХУА

БАПТАЗ

МАД МАХ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	7
Глава 1. Ты девочка	13
Глава 2. Гад настоящий	24
Глава 3. В той тьме	35
Глава 4. На этом свете	39
Глава 5. Та, что заправила постель	46
Глава 6. Без пароля	53
Глава 7. Отомри	62
Глава 8. Учёт и контрольная	72
Глава 9. Неманс	81
Глава 10. Рома	89
Глава 11. И Рома	96
Глава 12. Следи за родом	102
Глава 13. Асат	109
Глава 14. Деда, я умру	115
Глава 15. Я норм	126
Глава 16. Так уж лось	135
Глава 17. А за нас решили	140
Глава 18. Ты уж защитись	148
Глава 19. Армия Последнего дня	162
Глава 20. Комната матери и ребёнка	170
Глава 21. Не отвлекаться и не умирать	177
Глава 22. Всё Норм	187
Глава 23. Пусть растёт	197
Эпилог	203

Пролог

Макс научился не просыпаться от лязганья засова, хотя тот лязгал будто в ушной раковине, аж зубы тянуло. Толку-то просыпаться — всё равно не вызовут. Сиди потом в крошечной тьме и густой тишине, как бабочка на зимовке, гоняй одни и те же мысли по кругу. Новых мыслей всё равно не добавится. Откуда им взяться-то. А старые надоели до слёз. Только Макс плакать не будет, пусть другие плачут. И мысли гонять не будет, и вспоминать не будет. Он поплотнее зароется в тюфяк и прижмёт к голове забитую соломой подушку. Солома не пахнет, но шуршит будь здоров, даже если просто пальцами по ткани поигрывать. Пусть шуршит. Дети от погремушки

засыпают, а Макс от соломы будет. Каждый день и каждый раз. Пока не...

Лязгнуло второй раз. И третий.

Всё-таки вызывают.

Это какая-то ошибка, а ошибка тем более ничего не значит, но в груди и в горле всё равно заколотилось. Макс сел, нашаривая ногами сапоги и приговаривая, кажется, вслух: вызовут, да не выберут. Выберут, да не выживут. Выживут, да не...

Тьму с грохотом разрубила ослепительная щель, под занудный скрип распахнувшаяся во все глаза и весь мир. Макс опять не увидел, кто открывает двери, и не разобрал, что происходит. Просто взяли под мышки, поставили на ноги и подтолкнули, чтобы шагал куда-то сквозь свет. Глаза сочли это издевательством и бросились прятаться за веками и слезами. Когда прятки их утомили, Макс уже стоял в оружейной. Чуть покачиваясь, будто перед началом танца, который он и не помнил. Зато тело помнило.

Осмотреться и запомнить, где какое оружие, опять не получилось. Смотреть полагалось вперёд. Не полагалось даже, а просто не получалось иначе. Наниматель должен заглянуть в глаза воину. Ладно хоть не в зубы.

Макс пялился в прикрывавшую нанимателя пустоту, которая теперь была светло-коричневой. Пялился мрачно, не моргая — теперь это стало просто. Ну давай, смотри, какой я — тощий, бе-

лобрысьи и негероический. Хорошенько смотри. Посмотрел? Теперь вертай меня обратно и иди качков выбирать, их тут полон форт. Меня вообще брать не положено, я свой, и только.

Светло-коричневое мигнуло и проросло светло-зелёным, со всех сторон. Макс стоял на заросшей травами поляне. Вокруг поляны росли толстенные дубы и деревья потоньше. Над поляной растянулось до прозрачности голубое небо с парой пухлых облаков. Была поздняя весна. Весной не пахло, пахло дымом, немного.

Макс поёжился и первым делом оглядел небо, потом себя. Драконов не было, надежды тоже, никакой. Макс был без лат и оружия. Вообще. Каким в камере дрых, таким его в лес и забросили. Штаны да камзол. Ну и в сапоги успел влезть. Самая снаряга для Рысьей Пади. А ведь сейчас туда и направимся, сто пудов.

На булат и стальную кольчугу Макс и не рассчитывал, их надо было заслужить. Но хотя бы кожаный нагрудник и паршивенький меч полагался всякому новобранцу. Такая экипировка не спасёт ни от дракона, ни от рядового ратника любой армии — но от разбойника или волка отмахаться по-может.

Раз Макса выкинули из форта голым, значит, у нанимателя денег нет вообще. Значит, и опыта нет. Значит, он заставит новобранца переть напрямик — вон, по тропинке, которая идёт сквозь

дубовую рощу мимо двух застав, ордынской и фэйргардской, и упирается в Рысью Падь. В общем, Макс, жить тебе осталось полмили и десять минут. Макс-им-ум. Прогулки перед сном полезны даже смертникам, крепче спать будут.

Макс вздохнул и шагнул — раз, другой, третий. И оказался за кустами в противоположной стороне от тропинки. Здесь не было ничего интересного — настолько, что Макс, похоже, стал первым посетителем этого участка суши. Ни следов, ни ровной земли. Макс пару раз чуть не грохнулся, прошёлся, пробежался и прокрался несколько раз туда-сюда и сообразил, что это не он приноравливается к лесному ходу, это наниматель так учится.

Похоже, у меня есть шанс, понял Макс, холодея, и пошёл по окружной дуге мимо застав и Рысьей Пади — в сторону деревень. Там любой желающий мог за полдня заработать пару монет и получить простенькое оружие. Местные жители охотно платили новым помощникам, приходившим колоть дрова или раздувать меха в кузнице.

Возможность не умереть сразу захватила Макса настолько, что полпути он пролетел, даже не заметив. И лишь на откосе, под которым ворчал, бросая искорки, узкий ручеек, Макс сообразил, что надо попробовать. Прямо сейчас. Потом будет поздно.

Обернуться на ходу не получалось, поэтому Макс чуть наддал, прыгнул, поджал ноги — и, естественно, поскользнулся. Он умудрился не ухнуть

в ручей головой, но взрыл каблуками весь склон и берега ручейка, по которым плясал, удерживая равновесие. Наконец застыл пятками на разных берегах, зыркнул по сторонам, присел, сильно вывернул голову — так, чтобы заглянуть себе за спину, не двигаясь с места, — и сказал по-английски, стараясь чётко артикулировать:

— Надень наушники. На-уш-ники.

Внизу забурило. Сердце как будто ухнуло в это бурление и сварилось — потому что вода вскипала из-за приближения файргардов, потому что убежать было особо некуда и потому что весь берег был в следах Макса. Макс зажмурился и от отчаяния вспомнил то, что забыл сто лет назад. Он открыл глаза и отчаянно прошептал, стараясь шевелить губами как можно понятней:

— Влево, жми *Alt, I* и *V. Alt, I* и *V*. Тремя пальцами, сразу. Быстро.

Макс, чудом не запутавшись в ногах, метнулся вверх по склону, прильнул спиной к корявому дубу и увидел, как на траву, ручей и всё вокруг упала полупрозрачная сеть, будто сплетённая из змеек изумрудного огня, упала — и тут же исчезла вместе со следами и комками земли, которые выбили каблуки Максовых сапог. Макс перевёл взгляд себе на грудь и ноги. Грудь и ног не было. Была корявая кора дуба. Маскировка сработала. Значит, Макс вспомнил правильно, а наниматель правильно его понял. Значит, наниматель его слышит и понимает.

Ручей взвыл и пошёл пузырями с кулак величинной. Деревья вокруг, наоборот, застыли. Волосы у Макса встали дыбом, прижатая к стволу кожа на спине пыталась зашевелиться сама по себе, а ногти и зубы нагрелись. В мёртвой тишине толчки копыт разносились как ритуальный барабан: чбомм. Чбомм! Чбомм. Чбм.

Файргарды объехали ручей стороной, так и не показавшись, только пара дымков поднялась в неровных щелях между далёкими деревьями. Зря заклинание только потратили, подумал Макс устало и тут же понял: нет, не зря.

Очень хотелось сползти спиной по стволу, чтобы содрать остатки шевеления. Но против воли нанимателя это не вышло бы. Да и наниматель для другого был нужен. Совсем для другого, очень нужен.

Макс негромко свистнул, чтобы привлечь внимание, задрал голову и спросил:

— Микрофон есть? Включи. Только не ори, тут все слышат.

Подождал несколько секунд, из последних сил удерживаясь от уточнений, получается ли и всё ли в порядке. И дождался.

Макс выслушал несколько фраз, всё шире улыбаясь, и протянул по-русски:

— Бли-ин. Ты наша!

И добавил упавшим голосом:

— Бли-ин. Ты девочка.

ГЛАВА 1

Ты девочка

— Ну извини. В следующий раз постараюсь родиться кем-нибудь получше.

— Настя, — сказала мама и посмотрела особенным таким образом.

Предполагалось, видимо, что Настя тут же начнёт извиняться искренне, а не как сейчас, или, наоборот, упорно интересоваться «Что Настя?», с каждым разом всё громче, а потом выкрикнет какую-нибудь длинную нечленораздельную глупость и уйдёт в комнату, хлопая всеми возможными дверьми (в количестве, к сожалению, всего 2 шт.), чтобы потом опять-таки прийти извиняться.

Настя хмыкнула, кивнула, подтверждая, что да, это она Настя, и это норм, извините, если можете, — и вернулась к хлопьям.

Мама сделала ещё попытку:

— Настя, ну тебе же нравилась синяя юбка, длинная. Ты сама сказала — купим, а потом всего раз надела. Я вообще не понимаю, ты когда маленькая была, так платица любила, почему сейчас-то...

— Потому что выросла, — предположила Настя, доливая молоко.

— А я, значит, нет.

Мама была мастером провокаций, но Настя провела с нею всю жизнь и постепенно научилась на эти провокации не поддаваться.

— Мамуль, ты вечно молодая, и у тебя ноги красивые.

— А у тебя как будто...

— Мне есть что скрывать, — сказала Настя многозначительно.

Мама хмыкнула и велела заваривать чай. Настя принялась совершать короткие дрейфы от тарелки к чайному столику и обратно, объясняя между чайными манипуляциями и отхлёбыванием-пережёвыванием, что ноги у людей бывают разными, вкусы тоже, в юбке обязательно приходится только на дни рождения шотландских королей, и вообще большая часть девочек носит брюки.

— Это у тебя в секции.

— Ничего подобного. Во всём мире. В Китае там, в Индонезии всякой — а там полмира живёт. Арабки ещё.

— Не выдумывай, пожалуйста. Арабки в таких чёрных бурнусах ходят с ног до головы.

— А под бурнусами что? Мы же не знаем.

— Ещё не хватало. Ладно, я поняла. Юбку ты не наденешь. Но в джинсах на день рождения я тебе идти не позволю.

Настя вздохнула и констатировала:

— Значит, пойду в конных штанах.

Платья с юбками Настя не то чтобы не любила — просто не видела смысла в них на данном этапе. Платья штука красивая, они облегают, развеваются и летят по ветру под восхищёнными взорами. Но если нет восхищённых взоров и ветра нет, то и с платьями можно погодить. Тем более что в них ни побегать, ни прыгнуть, ни сесть нормально. То есть с секцией платье не сочетается вообще никак, с улицей — слабо, со школой — при огромных ограничениях. А школа сама по себе набор огромных ограничений, зачем собственных-то добавлять. Директриса, конечно, ворчала насчёт «ученицы должны быть скромными и элегантными», но лично утвердила два варианта формы для девочек — с юбкой и с брюками. Пусть ворчит дальше.

А против того, что девочка, Настя и не думала возражать. Никогда — в отличие, кажется, от многих подружек. Они бурчали, что пацанам,